

Бекбузарова Ясмينا Магомедовна, студентка,
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Гатиева Лида Хаз-Магомедовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена вопросу развития эмпатии у студентов психолого-педагогических направлений – и вопрос этот далеко не праздный, если учесть, как изменилась за последние годы образовательная среда. Эмпатия рассматривается здесь как составляющая профессиональной компетентности специалистов, чья работа строится на живом взаимодействии с людьми. Надо сказать, именно для этой группы профессий её дефицит ощущается острее всего. Среди факторов, осложняющих развитие эмпатических способностей, выделяются два ключевых: давление социокультурного контекста и нарастающая цифровизация. Последняя, при всей своей очевидной пользе, заметно сокращает пространство непосредственного эмоционального контакта – того самого, в котором и формируется умение чувствовать другого. Вместе с тем региональные социокультурные традиции способны выступить ресурсом, который педагогически ещё мало освоен.

Эмпирическая часть исследования проводилась на базе Ингушского государственного университета. Выборка составила 60 человек в возрасте от 18 до 22 лет. На этом материале проверялась эффективность специально разработанной тренинговой программы, построенной на сочетании активных методов обучения, ролевого взаимодействия и работы с фольклорными текстами региона – что само по себе нетривиально для подобного рода программ. Статистическая проверка результатов выполнена с применением Т-критерия Вилкоксона. Положительная динамика уровня эмпатии признана значимой. Примечательно, что включение культурных традиций в учебный процесс дало эффект двойной направленности: выросли и эмпатические показатели, и коммуникативная компетентность студентов. Правда, вопрос о долгосрочной устойчивости этих изменений остаётся открытым.

Ключевые слова: Эмпатия, студенты, психолого-педагогические условия, фольклор, цифровизация, межличностное взаимодействие, тренинговая программа, статистическая значимость.

Введение. Цифровые технологии меняют способ, которым люди общаются друг с другом, – и происходит это быстрее, чем успевает адаптироваться сам человек. Социальные сети и виртуальная коммуникация постепенно вытесняют живой контакт: непосредственное эмоциональное взаимодействие сокращается, а вместе с ним, судя по ряду данных, слабеет и способность понимать состояние другого человека, сочувствовать ему [13]. Надо сказать, что в такой ситуации целенаправленная работа над личностными качествами, от которых зависит качество межличностного общения, приобретает вполне конкретный смысл. Среди этих качеств эмпатия занимает особое место. Речь идёт об интегративной способности воспринимать эмоциональные состояния другого, разделять их и реагировать на них соразмерно – не формально, а по существу.

Эмпатия в современной психологии понимается как структурное образование с тремя составляющими: когнитивной (понимание внутреннего мира другого человека),

эмоциональной (сопереживание) и поведенческой (готовность реально помочь) [1; 12]. Этой теме посвящены работы Б. Г. Ананьева, В. В. Бойко, А. А. Реана и ряда других исследователей [1; 2; 12]. Зарубежные авторы, надо сказать, также фиксируют многомерность эмпатии и её роль в социальном взаимодействии личности [14]. Правда, единого взгляда на её природу так и не сложилось. Особую значимость развитие эмпатии приобретает при подготовке педагогов и психологов. Профессиональная деятельность этих специалистов предполагает постоянный контакт с людьми – эмоционально насыщенный, требующий высокого уровня эмоциональной компетентности. Без способности воспринимать состояние другого и адекватно на него откликаться такая работа попросту теряет смысл.

Становление эмпатических способностей личности трудно рассматривать в отрыве от культурной среды, в которой человек растёт и формируется. Нравственные ценности и традиции конкретного общества во многом определяют то, как именно выстраиваются эти способности. Ингушская этика, например, строится на нормах взаимного уважения, коллективной ответственности и готовности прийти на помощь – и всё это находит концентрированное выражение в фольклоре, устных преданиях и эпических текстах народов Северного Кавказа. Воспитательный потенциал ингушского фольклора зафиксирован в работах И. А. Дахкильгова. Народные сказания, легенды и эпические тексты, по его наблюдениям, хранят нравственные идеалы общества и задают модели межличностных отношений, в основе которых лежат взаимопонимание и уважение к человеку [3; 4]. Надо сказать, речь идёт не просто о литературных памятниках – это живые механизмы трансляции ценностей от поколения к поколению. Схожую позицию занимает М. Х. Дзейтова: фольклор народов Кавказа рассматривается ею как действенное средство передачи культурных и нравственных установок, формирующих гуманистическую направленность личности [6]. Что касается собственно педагогического измерения этой проблемы, то исследования М. М. Кодзоевой в области ингушской народной педагогики подтверждают ключевую роль традиционной культуры в воспитании нравственных качеств и уважительного отношения к человеку [10]. Правда, вопрос о том, как именно эти механизмы работают в современных условиях, остаётся открытым.

Цифровые технологии, по данным современных исследований, заметно меняют характер общения молодёжи. Виртуальная коммуникация вытесняет живой эмоциональный контакт, и со временем люди хуже считывают состояния друг друга [13]. М. М. Кашапов с соавторами, а также Д. В. Каширский и Н. А. Сабельникова фиксируют устойчивую связь: чем интенсивнее студент погружён в социальные сети, тем ощутимее растёт эмоциональная дистанция в его отношениях и слабее проявляются эмпатические реакции [8; 9]. Правда, картина не столь однозначна.

Само по себе противоречие, которое здесь возникает, весьма показательно. Культурная среда располагает вполне реальным потенциалом для развития эмпатии, и потенциал этот никуда не исчез. Вместе с тем социотехнологические условия жизни молодёжи работают в противоположном направлении, постепенно сужая пространство живого сопереживания. Именно это несоответствие и делает поиск специальных психолого-педагогических условий в рамках вузовской подготовки не просто желательным, а по-настоящему необходимым.

Организация и методы исследования. Эмпирическая часть работы разворачивалась на базе педагогического факультета Ингушского государственного университета. Участие приняли 60 студентов – молодые люди 18–22 лет, обучающиеся по направлениям психолого-педагогического профиля. По структуре исследование делилось на три последовательных этапа: сначала проводился диагностический срез (констатирующий), затем реализовывалась тренинговая программа (формирующий этап), а завершала всё итоговая диагностика. Надо сказать, контрольная группа не формировалась – специфика организации учебного процесса

этого не позволяла, что, признаем честно, накладывает определённые ограничения на интерпретацию полученных результатов. Для оценки эмпатии и её составляющих использовался набор из нескольких диагностических инструментов:

Для измерения эмпатийных тенденций в общем виде применяется методика И. М. Юсупова. В. В. Бойко предложил иной инструмент – он даёт возможность разграничить рациональный, эмоциональный и интуитивный каналы эмпатии, а заодно оценить соответствующие установки и проникающую способность. Склонность к сопереживанию в разных ситуациях измеряет шкала эмоционального отклика, разработанная А. Меграбяном совместно с Н. Эпштейном.

Тренинговая программа строилась на данных, полученных в ходе предварительного анализа образовательной среды и культурного контекста. Десять занятий охватывали все основные компоненты эмпатии: участники разбирали ситуации в ролевых играх, отработывали навыки активного слушания, учились распознавать и осмысливать эмоциональные состояния – свои и чужие. Отдельный блок был посвящён работе с фольклорными текстами (ингушские нартские сказания, легенды, притчи) – материал подбирался не случайно: именно в нём сохранились живые культурные модели эмпатического поведения, на которые участники могли опереться как на нечто знакомое и значимое.

Предварительный анализ условий обучения показал: социокультурная специфика региона заметно влияет на характер общения студентов между собой. После занятий большинство из них уходит домой и практически не участвует во внеаудиторной жизни университета – во многом потому, что в местной культуре семейный контроль над свободным временем молодёжи воспринимается как норма и проявление заботы. Само по себе это, конечно, понятно, однако пространство для неформального общения при этом существенно сужается, а именно такое общение играет едва ли не ключевую роль в развитии коммуникативных навыков и эмпатии [1; 12]. Отсюда и возросшее значение тренинговых занятий. Если живое, эмоционально насыщенное взаимодействие в повседневной жизни ограничено, специально организованная среда способна этот дефицит восполнить. Надо сказать, тренинг в данном случае решает сразу две задачи: студенты не только отработывают эмпатические навыки, но и – что не менее важно – начинают ощущать ценность совместной деятельности внутри самого университета.

Результаты исследования

Проведённый тренинг ощутимо сдвинул картину: студенты перераспределились между уровнями эмпатии достаточно выражено. Как именно менялся интегральный показатель (он рассчитывался по трём методикам в совокупности) – видно из таблицы 1.

Таблица 1.

Уровень эмпатии студентов до и после тренинговой программы

Уровень эмпатии	До тренинга	После тренинга
Высокий	22 %	38 %
Средний	50 %	44 %
Низкий	28 %	18 %

До тренинга половина студентов (50 %) показывала средний уровень эмпатии, у 22 % фиксировался высокий уровень, а 28 % участников едва справлялись с распознаванием чужих эмоций – их результаты попадали в нижнюю зону. После прохождения программы картина заметно изменилась. Доля тех, кто демонстрировал низкие показатели, сократилась до 18 %. Вместе с тем студентов с высоким уровнем эмпатии стало почти вдвое больше – 38 % против прежних 22 %.

Обсуждение результатов

Результаты хорошо согласуются с тем, что зафиксировали в своих работах Л. И. Забара и Ю. В. Лебедева: студенческий возраст действительно восприимчив к развитию эмпатии, особенно когда в обучении задействованы активные методы [7]. То, что эмоциональный и интуитивный компоненты оказались развиты сильнее, объяснить несложно – ролевые игры и работа с фольклорными текстами по природе своей апеллируют именно к этим сферам. Когнитивная же составляющая (то есть собственно знания об эмоциях и их природе) у части студентов, по всей видимости, была сформирована ещё до начала работы, что и сказалось на итоговом соотношении показателей.

Прирост доли студентов с высоким уровнем эмпатии – с 22% до 38% после тренинга – в целом соотносится с результатами, которые М. М. Кашапов с соавторами получили при изучении адаптационных ресурсов студенческой выборки [8]. Надо сказать, в нашем случае эффект оказался несколько ощутимее. Объяснение, скорее всего, лежит в использовании культурно-ориентированного материала: ингушские нартские сказания и легенды вошли в программу не как иллюстративный фон, а как полноценный инструмент. Обращение к знакомым и авторитетным культурным образцам не просто тренировало навык, но и делало эмпатическое поведение чем-то естественным, «разрешённым» – и это, судя по всему, повлияло и на мотивацию участников, и на глубину освоения материала. Вместе с тем 18% студентов по-прежнему показали низкие результаты. Правда, это само по себе не свидетельствует о неэффективности программы. Речь, по всей видимости, идёт о людях с устойчивыми личностными барьерами – высокой тревожностью, выраженной интроверсией, – для которых краткосрочного группового формата недостаточно. Схожие наблюдения о связи эмпатии с индивидуально-личностными свойствами зафиксированы в работах А. С. Кубековой и М. А. Сергеевой [11]: там тоже фиксируется, что часть участников требует пролонгированного индивидуального сопровождения.

Зафиксированный дефицит внеаудиторного общения вполне согласуется с тем, о чём предупреждал В. П. Шейнов, указывая на риски вытеснения живых контактов [13]. В условиях конкретного регионального контекста специально организованная тренинговая среда берёт на себя, надо сказать, двойную нагрузку – она не просто развивает, но и восполняет то, чего студентам объективно не хватает за пределами аудитории.

Заключение. Развитие эмпатии у будущих педагогов-психологов – не абстрактная задача, а вполне конкретное условие их профессионального роста. Это удалось зафиксировать в ходе исследования, результаты которого говорят сами за себя. Тренинговые форматы работы в сочетании с культурно ориентированными педагогическими технологиями показали себя как рабочий инструмент формирования эмпатических способностей. Отдельно стоит отметить обращение к фольклорным традициям региона – приём, который на первый взгляд кажется необязательным, однако даёт ощутимый эффект. Через региональный культурный материал студенты выходят на смыслы, которые трудно передать через стандартные учебные тексты.

Включение социокультурных ресурсов образовательной среды в учебный процесс помогает одновременно решать несколько задач. Коммуникативная компетентность растёт не сама по себе, а вместе с гуманистической направленностью личности – и это, пожалуй, самое ценное, что даёт подобная интеграция. Эмпирическая часть исследования подтвердила работоспособность разработанной тренинговой программы. Доля студентов с высоким уровнем эмпатии выросла с 22 % до 38 %, тогда как низкий уровень зафиксирован уже у 18 % участников против прежних 28 %. Сдвиг, надо сказать, вполне весомый. Среди факторов, которые обеспечили этот результат, выделяется несколько ключевых.

Программа строилась на активных формах работы – тех, что задействуют не только рациональное осмысление, но и эмоциональный отклик, интуитивное чувство другого

человека. Надо сказать, это принципиальный момент: без опоры на оба компонента эмпатия развивается однобоко. В курс были включены материалы региональной культуры, прежде всего фольклорные тексты. Разбор таких текстов оказался неожиданно продуктивным – студенты обнаруживали в них привычные, укоренённые образцы сочувствия и понимания, что явно подстёгивало их интерес к занятиям. Традиция, когда к ней обращаются всерьёз, работает.

Отдельного внимания заслуживает ещё один момент. В условиях, когда неформальное общение между студентами ограничено (а в данном регионе это обусловлено социокультурной спецификой), тренинг берёт на себя компенсаторную функцию. Иными словами, он восполняет тот дефицит живого межличностного контакта, который в других обстоятельствах покрывался бы естественным путём. Включение социокультурных традиций в современные образовательные технологии – это, надо сказать, вполне рабочий механизм формирования тех психолого-педагогических условий, при которых эмпатия развивается не абстрактно, а как реальная составляющая коммуникативной компетентности. Причём речь идёт не только о профессиональных навыках будущего специалиста, но и о его гуманистической направленности в целом (что, впрочем, сложнее поддаётся измерению).

Список литературы:

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2010.
2. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении. – М.: Филинь, 1996.
3. Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. – Грозный, 1978.
4. Дахкильгов И. А. Ингушский нартский эпос. – Нальчик, 2012.
5. Дахкильгов И. А., Мальсагов А. О. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. – Грозный, 1986.
6. Дзейтова М. Х. Культура мира в фольклоре народов России и Закавказья. – Назрань, 2015.
7. Забара Л. И., Лебедева Ю. В. Исследование эмпатии у студентов-психологов // Педагогическое образование в России. – 2020
8. Кашапов М. М., Смирнов А. А., Соловьёва Е. В. Эмпатия как ресурс адаптации студентов // Перспективы науки и образования. – 2022.
9. Каширский Д. В., Сабельникова Н. А. Отношение студентов к цифровизации образования // Психологическая наука и образование. – 2024.
10. Кодзоева М. М. Трудовое и физическое воспитание в ингушской народной педагогике: дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2009.
11. Кубекова А. С., Сергеева М. А. Связь эмпатии и личностных свойств у студентов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022.
12. Реан А. А. Психология личности. – СПб.: Питер, 2016.
13. Шейнов В. П. Социальные сети и особенности личности // Вестник РУДН. – 2021.
14. Davis M. Measuring Individual Differences in Empathy // Journal of Personality and Social Psychology. – 1983.
15. Konrath S. Changes in Dispositional Empathy in College Students // Personality and Social Psychology Review. – 2011.

